

Великая трансатлантическая сделка

Европейская безопасность по-прежнему зависит от Соединенных Штатов, притом что их возможности и готовность быть единственным гарантом стабильности в Европе уже не те, что прежде | ЯН ТЕХАУ

Чтобы понять нынешние тенденции в отношениях между США и Европой, нужно представлять себе те основы — постепенно исчезающие на наших глазах, — на которых эти отношения строились на протяжении более чем шести десятилетий. В конце 1940-х — начале 1950-х годов Америка, победившая во Второй мировой войне, и (Западная) Европа, разоренная той войной и экономически, и морально, заключили Великую трансатлантическую сделку. Это неформальное, нигде не записанное соглашение определяло разделение труда между партнерами по обе стороны Атлантики и основывалось на широко распространенном, общем понимании требований текущего момента. По сути, эта «сделка» позволила европейцам в условиях быстрого раскручивания холодной войны переложить заботу о своей безопасности на Соединенные Штаты — как сказали бы теперь, передать ее США «на аутсорсинг». Иными словами, защите континентальной Европы от советской угрозы европейцы почти полностью доверили США, оставив на свою долю лишь минимальный военный вклад. Это позволило им сосредоточить силы на восстановлении своего разрушенного войной континента, смягчить остроту противоречий, грозивших

дестабилизировать национальные сообщества, и приступить к процессу политического исцеления и интеграции, который со временем должен был обеспечить в Европе мир и процветание. В обмен на услуги в области обороны Америка практически становилась европейской державой и, таким образом, впервые в своей истории, глобальным гегемоном. Кроме того, Соединенные Штаты получили право вето в вопросах европейской политики. Будучи главной силой в НАТО и главным учредителем трансатлантической сделки, они также получили решающий голос во всех крупных геополитических решениях, принимаемых европейцами.

В целом эта сделка была чрезвычайно выгодна всем сторонам-участникам. Америка выполняла в Европе роль благодетельного лидера и наращивала мощную «мягкую силу», а западные европейцы имели возможность заниматься, по существу, лишь внутренними проблемами, поскольку столь необходимая Европе внешняя стабильность обеспечивалась американцами. В годы холодной войны европейцы могли позволить себе уделять относительно небольшое внимание вопросам безопасности и обороны. Если бы не гарантии безопасности со стороны США, им пришлось бы тратить на оборону во много раз больше. А так они могли

вкладывать эти деньги в развитие экономики, повышение эффективности управления и построение щедрых систем социального обеспечения, что в целом обеспечило Западной Европе беспрецедентное процветание и социально-политическую стабильность.

Залогом прочности этого трансатлантического «пакта» была внешняя угроза, исходящая от глобального конкурента — коммунистической системы СССР и его вынужденных союзников по Варшавскому договору. После окончания холодной войны и распада Советского Союза пакт остался в силе, поскольку американцев и европейцев объединяло стремление содействовать трансформации стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), с тем чтобы теперь и они тоже могли воспользоваться преимуществами, которые обеспечивала Великая трансатлантическая сделка. Сегодня оба эти фактора утратили свое значение, однако устранение системного конфликта между Западным миром и советским блоком не привело к столь желанному «новому мировому порядку» (по выражению Джорджа Буша-старшего), регулируемому международными организациями, в частности, Организацией Объединенных Наций. Вместо этого возник практически нерегулируемый мир, испытывающий острую потребность в механизмах, с помощью которых сильные государства и нации могли бы поддерживать стабильность. Сначала участники трансатлантической сделки попытались просто перенести в эту новую ситуацию старую, испытанную модель «разделения труда». Это означало, что основные усилия по поддержанию стабильности в мире — как дипломатические, так и военные — по-прежнему возлагались на США, а участие европейцев в этом процессе оставалось незначительным и эпизодическим. Такой расклад, в общем и целом, сработал в Кувейте, в Северной Корее, на Ближнем Востоке, на Балканах и в Афганистане, но не в Ираке, поскольку в этом

случае многие давние союзники Америки не поверили в необходимость вмешательства и отказались в нем участвовать.

Структурный изъян Великой сделки

Поскольку и в новых условиях стороны трансатлантической сделки сохраняли общие интересы, то, благодаря описанной выше коррекции и адаптации, пакт в целом сохранял силу еще долгое время после того, как его изначальный смысл перестал существовать. Однако с самого начала, с середины XX века, эта сделка имела серьезный структурный дефект, коренящийся в самой сути исходной схемы, а именно: она объективно тормозила развитие у европейцев стратегического мышления и правильного представления о безопасности и военной мощи в современном мире. Позволив европейцам не заботиться о собственной обороне, трансатлантический пакт породил в европейских столицах интеллектуальную лень и политическое благодушие, которые препятствовали формированию чувства ответственности за жизнь и смерть людей и даже за собственное существование. До сих пор европейцы строят свою оборонную политику так, будто субсидии Америки в области безопасности — в форме гарантий в рамках НАТО и расширенного ядерного сдерживания — это бесплатно и навсегда. Однако сейчас относительная мощь Америки уменьшилась, она вынуждена сокращать свои расходы на оборону и все менее заинтересована в том, чтобы, как прежде, быть европейской державой. В результате основа для старой сделки оказывается подорванной, и ее будущее существование оказывается под вопросом. Но и подходящей замены пока не видно. Американцы настойчиво просят предложить что-то взамен прежнего пакта, но европейцы, в общем и целом, отказываются предпринимать какие-либо серьезные действия. Такова основная проблема трансатлантических отношений во втором десятилетии XXI века.

Экономическая эмансипация Европы

Сохранение зависимости Европы от США в вопросах обороны резко контрастирует с результатами экономического развития континента с момента заключения трансатлантической сделки. С самого начала важнейшим элементом данного соглашения (а также основным элементом западной стратегии противодействия советскому экспансионизму) было экономическое восстановление Европы. В соответствии с «Программой восстановления Европы» (так называемым планом Маршалла) Америка обеспечила финансирование скорейшего восстановления европейской экономики после войны. Первые шаги экономической интеграции в виде создания европейских объединений, или сообществ, подкреплялись политическими и финансовыми гарантиями со стороны США. Сегодня экономическая зависимость Европы от США исчезла, и возникло общее трансатлантическое экономическое пространство с высокой степенью интеграции и самыми большими в мире объемами торговли и прямыми иностранными инвестиций. Несмотря на бурный рост экономик в Азии и некоторых других регионах, трансатлантическая экономика еще некоторое время будет оставаться главным мировым экономическим локомотивом.

В целом экономическое восстановление и интеграция Европы с 1950-х годов — один из наиболее успешных проектов в мировой истории. Более того, трансатлантические экономические отношения реализуются практически без каких бы то ни было проблем и конфликтов. Они хорошо регулируются, а неизбежные разногласия по техническим вопросам, таким как тарифы, стандартизация или доступ тех или иных продуктов на рынок, решаются в рамках соответствующих институтов.

Сегодня Европейский союз — это крупнейший в мире торговый блок и крупнейший в

мире единый интегрированный рынок, оказывающий заметное влияние на глобальные потоки товаров и глобальное нормативно-правовое регулирование. Таким образом, в экономическом отношении и США, и Европа уже давно переросли рамки первоначальной трансатлантической сделки. В плане экономических амбиций, инноваций и производительности Европа, в общем, уже не уступает Соединенным Штатам. Но в сфере безопасности и обороны Европа (за исключением разве что Франции) никогда не имела подобных амбиций. Пока действовали старые условия трансатлантического соглашения сделки, это не составляло особой проблемы. Однако в условиях XXI века проблема неизбежно возникает: США уже не могут компенсировать указанное отсутствие амбиций, поскольку более не обладают столь подавляющим превосходством и не сосредоточены в такой степени на европейских проблемах.

Низкий уровень амбиций

Отсутствие общеевропейских амбиций в области безопасности и обороны вызывает некоторое удивление, если вспомнить, что даже во времена максимальной эффективности трансатлантической сделки европейцы регулярно выражали неудовольствие господством Америки. Суэцкий кризис, ситуация на Кубе, война во Вьетнаме, споры о долевом участии в коалиционных расходах и «двойное решение» НАТО*, вмешательство американцев в дела Латинской Америки и Ближнего Востока, вплоть до войны в Ираке в 2003 году и глобальной войны с террориз-

* «Двойное решение» НАТО было принято 12 декабря 1979 года Советом НАТО. Оно предусматривало развертывание американских ракет средней и меньшей дальности на территории стран Западной Европы и одновременно начало переговоров с СССР по проблеме советских евро-ракет. — Прим. ред.

мом, — все это привело к появлению заметных трещин в трансатлантическом партнерстве. Однако, несмотря на все размолвки и кризисы, никто и никогда (за исключением немногих сторонников жесткой линии на периферии спектра европейских партий) всерьез не подвергал сомнению основной функционал трансатлантической сделки и, в частности, те преимущества, которые она обеспечивала европейцам.

Вместо того чтобы выстраивать собственную политику в области обороны и безопасности, европейцы неохотно и не слишком

Солана, и при нем ЕС удалось оказать реальное влияние на послевоенную ситуацию на Балканах. Кроме того, в 2003 году была принята «Европейская стратегия безопасности» — на сегодняшний день единственный документ такого рода. В том же году была создана Европейская боевая группа (*EU Battle group*) — силы быстрого реагирования, предназначенные для выполнения военных миссий ЕС. Эти силы с момента их создания по-настоящему существовали лишь на бумаге; их оперативные возможности были крайне ограничены как с точки зрения

“Европейские правительства постоянно урезают свой потенциал, сокращая численность войск, системы вооружений и объемы боеприпасов”.

энергично (и не без серьезных споров между собой) стали формировать первичные элементы общей внешней политики и политики в сфере безопасности. Но медленные темпы и скромные масштабы этого процесса свидетельствуют о довольно ограниченных амбициях европейцев. Внешняя политика вообще не входила в официальную повестку дня ЕС до 1993 года, когда Маастрихтский договор подвел под ЕС три политических опоры, одной из которых стали «отношения с внешним миром». Вскоре после этого неудачи европейцев на Балканах в 1990-х годах наглядно продемонстрировали необходимость большей сплоченности во внешних акциях. В результате в 1999 году, согласно Амстердамскому договору, был учрежден пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Эта новая должность вместе с приданным ей бюрократическим аппаратом стала для ЕС первым реальным внешнеполитическим механизмом, выходящим за рамки управленческих возможностей Европейской комиссии. Первым эту должность занял Хавьер

командования и управления, так и на практике. Военных операций в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (*Common Foreign and Security Policy*) было немного, их масштаб и продолжительность не свидетельствуют о том, что ЕС обладает независимой военной силой. Расчет на то, что Европа наконец пробудится и реализует свой огромный внешнеполитический потенциал, раз за разом не оправдывается. Так, совсем недавние долгожданные новации, введенные Лиссабонским договором, вновь не привели ни к большей сплоченности, ни к способности оперативного реагирования. Напротив, новая ситуация, сложившаяся после Лиссабона, характеризуется еще большей неупорядоченностью и меньшей эффективностью. Дипломатической службе ЕС — Европейской службе внешнеполитической деятельности — потребуются годы, прежде чем она сможет начать реально выполнять возложенные на нее обязанности. В целом на сегодняшний день политика ЕС по международным делам и безопасности так и не вышла из зачаточного состояния.

Отношение Америки к ограниченным амбициям Европы с течением времени заметно менялось. Первоначально США скептически восприняли планы создания ЕС собственного военного потенциала и даже штаб-квартиры, опасаясь возникновения в Европе структуры, конкурирующей с НАТО. Американцы также опасались, что создание отдельных сил ЕС, питаемых из тех же источников, подрвет и без того сокращающиеся оперативные возможности НАТО. Однако США изменили свою точку зрения, во-первых, когда поняли, что эти планы не представляют никакой реальной угрозы для НАТО, а во-вторых, когда стало ясно, что США могли бы использовать возможности сильной Европы для того, чтобы более равномерно распределять нагрузку в Ираке и Афганистане между всеми участниками операции.

Почему слабость Европы является глобальной проблемой

По сути, европейские активы в сфере безопасности и обороны формируются вокруг американских активов, которые они должны дополнять, по крайней мере, в теории. На самом деле европейские правительства постоянно урезают свой потенциал, сокращая численность войск, системы вооружений и объемы боеприпасов. Все крупные европейские страны, в том числе Германия, Великобритания, Франция, Польша, Италия, Испания, Нидерланды, в последние несколько лет объявляли о таких сокращениях и урезали расходы на оборону, намереваясь делать так и впредь. Оставшийся оборонный потенциал уступает американскому в технологическом отношении, что приводит к снижению операционной совместимости систем американских и европейских союзников.

Еще опаснее то, что в европейском восприятии существует неразрывная связь между потенциалом обороны и безопасностью

ЕС и гарантиями безопасности со стороны США. Строительство сил обороны и безопасности отражает политическую установку, что безопасность Европы по-прежнему будут гарантировать США, а не сами европейцы, то есть ЕС исходит из того, что старая трансатлантическая сделка остается в силе. Получается, что европейская безопасность по-прежнему зависит от США, притом что их возможности и готовность быть единственным гарантом стабильности в Европе уже не те, что прежде. Если эта тенденция сохранится, в Европе может возникнуть геополитический вакуум, что сделает жизнь в ней менее защищенной и менее безопасной. Ибо если европейцы не стремятся заполнить этот вакуум сами, кто будет это делать за них?

Европа должна освободиться от трансатлантической сделки по многим причинам, и не в последнюю очередь чтобы сохранить трансатлантическую солидарность — именно сейчас солидарность особенно необходима и Европе, и Америке, может быть, даже больше, чем они могут себе представить. Европейцы не только должны иметь возможность обеспечивать свободу и безопасность на собственном континенте: они должны экспортировать стабильность в другие, заведомо неустойчивые соседние регионы — в Северную Африку, на Ближний Восток, в Восточную Европу и Центральную Азию, на Балканы. Как учит нас история, стабильность невозможно поддерживать, не имея достаточных военных средств. Наконец, европейцам неизбежно придется отстаивать свои интересы по всему миру, поскольку для поддержания привычного образа жизни им нужен доступ к глобальным экспортно-импортным рынкам, свободные морские пути, регулирование миграционных потоков и стабильные цены на нефть. Однако в настоящее время они не обладают возможностями для того, чтобы защищать эти интересы собственными

силами, и, в духе старой трансатлантической сделки, перекалывают решение своих проблем на США. К счастью, американские и европейские цели в этих областях во многом совпадают, поэтому Америка, добиваясь необходимых результатов для себя, одновременно в значительной степени действует в интересах европейцев (и большинства других стран мира). Но если Америка будет вынуждена сократить свое глобальное присутствие, европейцам в конечном итоге придется под давлением обстоятельств искать адекватное решение для собственных проблем.

Отсутствие у европейцев достаточного оборонного потенциала не только наносит ущерб стабильности в Европе и европейским интересам за рубежом, но и лишает европейцев возможности исполнять свои обязанности в качестве богатых и влиятельных субъектов в рамках либерального мирового порядка (*liberal world order*). Европейцы всегда играли конструктивную роль в поддержании этого мироустройства — в основном в качестве младших партнеров Соединенных Штатов. И в этой сфере относительное снижение американской мощи приводит к тому, что и у европейцев становится меньше возможностей вмешательства в разных точках мира. Ведь проблема отсутствия центра силы — силового вакуума, который нечем заполнить — стоит не только перед европейским континентом. Существует также опасность того, что слабость Запада может открыть шлюзы для агрессивных, антилиберальных сил, готовых организовать глобальное управление в соответствии с их собственными, вероятно не столь гуманными представлениями. Так что слабость Европы — это не только европейская проблема и даже не только проблема трансатлантических отношений. Она вполне может обернуться проблемой для всего мира.

Отказаться от Великой сделки, чтобы сохранить отношения

Что будет означать освобождение европейцев от трансатлантической сделки? Прежде всего, и лидерам, и самому населению Европы нужно выработать новый концептуальный подход, который позволит им участвовать в стратегических дебатах XXI столетия. Основу будущего стратегического мышления Европы должны составлять пять элементов.

Во-первых, европейцам необходимы мужество и открытость, чтобы думать о мире, о себе и о будущем в более реалистичных категориях. В настоящее время политические дебаты в Брюсселе и других европейских столицах проходят так, как будто никаких серьезных изменений не предвидится, как будто самое главное — это внутриевропейские разногласия, а богатство и значимость Европы — нечто само собой разумеющееся. Между тем финансовый кризис и кризис евро — это только легкие предвестники грядущих потрясений.

Вновь обретенный европейцами реализм должен включать в себя трезвую оценку размеров и влияния Европы. Кроме того, европейцам следует исходить из того, что глобализации нет альтернативы и что Европа — неотъемлемая часть глобального мира, а также отдавать себе отчет в собственной геополитической зависимости от доступа к рынкам — как импортным, так и экспортным. Необходимо также иметь в виду, что все более опасный и неупорядоченный мир остро нуждается в стабильности, которую должны обеспечивать сильные и ответственные державы.

Европейский реализм должен также строиться на представлении о том, что поддержание мира и свободы требует огромных усилий и подразумевает готовность и способность защищать их, в том числе, если понадобится, и военными средствами. Это может

показаться прописной истиной, но европейцы, избалованные за семь десятилетий послевоенного благополучия, часто демонстрируют нежелание признавать даже очевидные факты, а их политические лидеры не проявляют большого желания говорить народу правду — подобный отрыв от реальности не может не тревожить.

Во-вторых, если европейцы хотят быть сильными за рубежом, им нужно обеспечить стабильность и сплоченность у себя дома. Сюда входит и сплоченность обществ на

В-третьих, если Европа хочет и дальше что-то значить в этом мире, она должна оставаться богатой. Сегодняшний авторитет Европы обусловлен ее огромной экономической мощью. Во многом это связано с беспрецедентной экономической интеграцией, благодаря которой в Европе удалось создать единый рынок, превратить ЕС в локомотив мировой торговли и накопить богатство, позволяющее сохранять мир в европейских обществах, несмотря на порой непримиримые противоречия. Все это

“Если Европа будет оставаться элитным проектом, то народ либо восстанет открыто, либо молча откажет в лояльности и ЕС, и своим правительствам”.

национальном уровне, и политическая интеграция на уровне ЕС, а основой для единства и в том, и в другом случае должна стать легитимизация интеграционного проекта. Чтобы справиться с глобальными проблемами, потребуются гораздо более глубокая интеграция. Дальнейшее укрепление связей внутри Европейского союза не может основываться только на «итоговой» легитимности, то есть на способности обеспечивать преимущества населению стран, входящих в ЕС, как это было в прошлом. Потребуется гораздо более высокий уровень легитимности «на входе» — с тем чтобы мнение граждан также имело значение.

Если Европа по-прежнему будет оставаться элитным проектом, то народ либо восстанет открыто, либо молча откажет в лояльности и поддержке и ЕС, и своим правительствам. Это может открыть дорогу популизму, экстремизму, изоляционизму, а потенциально — и насилию. Чтобы укрепить легитимность интеграционных процессов, ЕС необходимо радикально повысить уровень участия граждан в политическом процессе, и не только потому, что это соответствует стратегическим задачам, но и просто для выживания.

также сделало Европу привлекательной для иммигрантов (как нужных, так и ненужных ей) и позволило европейским странам совместно взять на себя значительную долю финансирования институтов глобального управления: Организации Объединенных Наций, Международного валютного фонда и Всемирного банка. Кроме того, благодаря своему богатству, европейцы стали главными мировыми донорами международного развития. Все это обеспечило им глобальное влияние. Однако сейчас бюджеты находятся в удручающем состоянии, многие экономики нуждаются в реформировании, замедление экономического роста стало повсеместным, и в результате влияние Европы снижается. Если Европа хочет рассчитывать на что-то в будущем, она должна радикально перестроить свою экономическую модель.

В-четвертых, европейцам необходимо разработать ограниченную, но амбициозную повестку дня во внешних делах, которая позволила бы им принимать жесткие политические решения. Выражение «глобальная Европа», возникшее в те времена, когда у Европы были большие амбиции, теперь

вышло из употребления. Ушли в прошлое обширные планы, включавшие в себя всевозможные добрые дела во всем мире. Пришло время *стратегической* (читай – избирательной) Европы.

Наконец, если вернуться к трансатлантической составляющей всего этого комплекса, европейцы должны признать, что их собственные стратегические позиции незащитимы без тесного партнерства с Соединенными Штатами. Как уже было сказано выше, именно Вашингтон выступил в качестве гаранта европейской интеграции, поскольку обеспечивал финансовый и оборонный зонтик, который сделал интеграцию возможной. США и сейчас гарантируют защиту европейцев от политического шантажа и позволяют им уделять минимум внимания военным вопросам. Другими словами, без Америки в Европе не было бы ни мира, ни стабильности, ни богатства.

Даже в условиях жесткой экономии американцы вряд ли отвернутся от Европы полностью, но для того, чтобы оправдать свои вложения в Старый Свет, они будут рассчитывать на гораздо большее участие европейцев, большую политическую креативность и большее чувство ответственности с их стороны. Это обойдется недешево, но альтернатива такой модели отношений будет стоить европейцам гораздо дороже, поскольку неприятная правда состоит в том, что если Америка сможет прожить и без Европы, то Европа в нынешнем виде вряд ли сможет существовать без Америки.

Эти пять пунктов также означают, что европейцы должны признать наличие неразрывной связи между внутренней ситуацией на континенте и отношениями с внешним миром, а также возможностями Европы на международной арене. Для сохранения социальной и политической стабильности европейским обществам нужен достаточно высокий уровень стабильности в экономи-

ке. Их экономическая стабильность и сила опираются на интеграцию Европы в глобальные рынки и цепочки создания стоимости. Глобальная интеграция, в свою очередь, делает Европу геополитическим игроком, заинтересованным в стабильности и мире во всем мире. В свое время европейцам удалось удачно разделить сферы внешней и внутренней политики (оказываясь в кризисных ситуациях, они демонстрируют еще большую приверженность этой модели), но теперь они должны усвоить, что эти сферы стали окончательно неразделимы.

Трансатлантизм на распутье

Что же все это означает для Европы, Соединенных Штатов и НАТО, если оценить структуру сил, задействованных в нынешних трансатлантических отношениях?

1) Инерционное развитие таит в себе серьезный риск. Впервые в истории трансатлантических отношений возникла реальная опасность отдаления сторон друг от друга. По иронии судьбы, эта тенденция связана не с разногласиями по конкретным политическим проблемам, таким как, например, Ирак, а скорее с исподволь нарастающими различиями в стратегическом видении, результатом которых становится дисбаланс в инвестициях в безопасность и оборону.

Как союзник и партнер Европа медленно, но верно теряет привлекательность в глазах Соединенных Штатов. Америка может сократить свои обязательства в отношении европейской безопасности до минимальных пределов, необходимых для того, чтобы обеспечивать стабильность на противоположном берегу Атлантики и чтобы сохранить географическое преимущество, связанное с размещением небольших американских соединений в Европе, которые обеспечивают США некоторые выгоды в рамках глобального расклада сил. Конечно, Соединенным Штатам такой отказ от Европы обойдется

дорого, но для самой Европы потеря этой военно-политической страховки будет иметь просто катастрофические последствия.

2) Будущее трансатлантических отношений зависит от Европы. Сейчас мяч находится на европейской стороне. Если Европа не сможет сформировать адекватную психологическую основу для существования в глобализованном мире XXI века и не обзаведется соответствующими военными и дипломатическими активами, это нанесет ущерб трансатлантическим отношениям, возможно

обороноспособности? Это может произойти только в том случае, если европейские столицы, прежде всего Берлин, Париж и Лондон, возьмут на себя политическое лидерство и сумеют сформулировать его в виде юридически выверенных и одновременно смелых политических решений. Если в ближайшие несколько лет этого не случится, трансатлантические отношения в конечном счете могут согнуться в бурных водах Атлантики.

4) Желанное развитие ситуации в Европе не будет означать ее полной независимости.

“Европейцам нужно перестать цепляться за привычную и удобную **прежнюю договоренность** и построить более зрелые трансатлантические отношения”.

необратимый. Изменить ситуацию должна не Америка, а Европа. Европейцам нужно перестать цепляться за привычную и удобную прежнюю договоренность и построить более зрелые трансатлантические отношения, рассчитанные на перспективу. Соответствующие предложения Америки уже были представлены Брюсселю в разное время, в частности, министрами обороны Робертом Гейтсом и Леоном Панеттой. Саммит НАТО в Чикаго 18–19 мая 2012 года должен показать, обратили ли европейцы свои мысли в нужном направлении.

3) Европейцам предстоит совершить невозможное. Дело в том, что Европа столкнулась с обсуждаемыми здесь проблемами в самый неподходящий момент. Евро находится в глубоком кризисе, Европейский союз вынужден отстаивать свою легитимность и решать проблемы внутренней сплоченности. В то же время некоторые страны Европы находятся в состоянии экономического спада — возможно самого серьезного с момента окончания Второй мировой войны. Как исхитриться в нынешней тяжелой ситуации еще и думать об укреплении безопасности и

В обозримом будущем Европе будет не хватать ни сил, ни воли, чтобы остаться сильной и независимой вне рамок трансатлантической структуры. Но ей и не стоит к этому стремиться. Ей нет необходимости планировать свою жизнь вообще без Соединенных Штатов. Все, что Европе нужно сделать, это обеспечивать более существенную поддержку усилий США по обеспечению глобальной стабильности. Все, чего ей нужно достичь, это стать более привлекательным, более мощным и менее строптивым партнером для США, тем более что при этом она станет также и более влиятельным партнером.

5) Это звучит как парадокс, хотя парадоксом не является: чтобы сохранить трансатлантические отношения, нужно отказаться от Великой трансатлантической сделки. Она приносила выгоду всем странам-участницам более шестидесяти лет, но теперь стала главным препятствием для современных трансатлантических отношений, поскольку мешает превращению Европы в полноценного и ответственного субъекта в международных делах.

6) Будущее за НАТО. Когда европейцы решатся наконец на достаточные инвестиции

для укрепления своего потенциала обороны и безопасности, они должны действовать в рамках НАТО, а не ЕС. В ситуации с Ливией НАТО показала, что может обеспечить гибкость – в принятии решений, планировании и осуществлении операций, – необходимую для удовлетворения реальных потребностей разных стран-участниц, входящих в состав Североатлантического альянса. В распоряжении НАТО – уже существующие и проверенные средства и процедуры. Это мощный транспарентный механизм, общий для всех стран-участниц и базирующийся на доверии и обмене опытом. В рамках НАТО можно рассчитывать на участие США и американскую поддержку проводимых операций. Европейская политика в области безопасности и обороны (ЕПБО) не располагает такими возможностями: эта инициатива недостаточно финансируется, не способна обеспечить необходимые вооружения и технологии, к тому же ей не хватает опыта, и, как выяснилось, в отсутствие согласия между членами она действует недостаточно гибко. По всей вероятности, ЕПБО так и останется слабой. Следствием этой слабости является то, что

страны, входящие в ее состав, ограничивают свои военные и оборонные амбиции рамками ЕС. Так что, несмотря на все свои недостатки, НАТО по-прежнему является лучшей основой для развития трансатлантических отношений, поскольку может служить эффективным механизмом для их регулирования.

Самая большая опасность для Европы кроется в неспособности ее политического руководства признать две основные истины: (1) что Европа не может позволить себе лишиться тесного союза с Соединенными Штатами, и, следовательно, чтобы оставаться достойным союзником и стать более влиятельным глобальным субъектом, она должна существенно повысить свой вклад в отношения с США, и (2) что если европейские страны заинтересованы в сохранении – хотя бы частичном – столь дорогого для них суверенитета, они должны поделиться им со своими братьями-европейцами. Только углубление интеграции может сделать Европу политически сильным субъектом, как во внутриевропейских делах, так и на мировой арене. ■